

CRIME & PRIVATE

анна
Данилова

АНГЕЛ В ЯБЛОНЕВОМ САДУ

Чтобы победить искушение, надо ему поддаться...

Анна Данилова
Ангел в яблоневоm саду
Серия «Crime & private»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6506703
Данилова А. В. Ангел в яблоневоm саду : роман : Эксмо; Москва; 2013
ISBN 978-5-699-66236-4

Аннотация

На залитой вечерним солнцем поляне обнаружили два трупа. Одна женщина задушена, а другой разбили голову. Валя и Надя были близкими подругами, жили в соседних домах. Молодые и очень красивые, материально благополучные, но обе с неустроенной личной жизнью. Адвокат Лиза Травина со своей помощницей Глафирой, волей случая оказавшиеся в Идолге, начинают собственное расследование этого двойного убийства... Свидетелей, конечно, нет. Лишь старая алкоголичка Люба, соседка убитых, рассказывает поистине фантастическую историю о незнакомке в соломенной шляпке. Странная женщина в темной одежде везла детскую коляску, откуда торчали женские ноги, которые вполне могли принадлежать одной из убитых...

Содержание

1. Любка, соседка	4
2. Глафира	5
3. Племянница Ирина	10
4. Глафира	14
5. Людмила	18
6. Лиза	22
7. Сергей Гаранин	27
8. Валентина	32
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Анна Данилова

Ангел в яблоневоm саду

1. Любка, соседка

Длинная серебристая рыбина легла на дно глиняной миски. Понятия не имею, как она называется. Знаю только, что она морская и что все в деревне, кто отоваривается в местном магазине, накупили этой рыбы. Кто будет солить, а кто жарить, как я. Я, к примеру, тоже умею солить рыбу, да только в жареном виде она мне больше по душе.

Хорошо, что хотя бы мои внутренние монологи не шепелявят, как мой беззубый рот.

Ну да, я пьяница. И что с того? Теперь мне уже обратной дороги нет. Все знают, что Любка Загуменнова – горькая пьяница. И мало кто помнит, что когда-то я работала в местной библиотеке. Ровно до тех пор, пока не умер мой муж, Федор. Вот как его не стало, и меня, почитай, тоже не стало. Водка спасает. От вина голова болит, а от водки – нет. Больше мне и прибавить нечего. Я люблю покой, свою розовую шерстяную кофту, длинную серую юбку, толстые носки и удобные резиновые калоши. В калошах я хожу по двору, а как вхожу в дом, так разуваюсь. И остаюсь в одних носках. Но они сваялись и стали толстые, как тапки. Вы, конечно, хотели бы услышать, что я раскаиваюсь, что я презираю себя за тот образ жизни, который веду, что пью. Не дождетесь. Это моя жизнь, и то теплое болото, в котором я оказалась, меня вполне устраивает. Помните Франсуазу Саган? Когда ее спрашивали о наркотиках, она, стоя на пороге собственного дома, отмахивалась от назойливых доброжелателей, мол, какого дьявола вы ко мне пришли и какое вам дело до того, как я живу. Это мой дом, моя жизнь, и нечего совать туда свои любопытные носы. Вот так. Поэтому, оглядываясь на кумиров, предлагаю всем сказать себе: это не наше дело. И это будет правильно. У вас своя жизнь, у меня – своя. Ну да, я пропила остатки своих мозгов. Однако не до такой степени, чтобы не разглядеть ночью в окно при свете подлого уличного фонаря (который освещает не только мой захламленный двор, но и чужие злодеяния) детскую коляску с торчащими из нее женскими ногами. Или свисающими... Сначала ноги торчали, потом свисали, словно колясок две, хотя на самом деле она была одна, я так думаю. И я знаю эту коляску. Все ее знают. И проезжала-проплывала она мимо меня два раза. И толкала ее впереди себя женская темная фигура. Как в театре теней. Женская, потому что на ней была шляпка. Идиотская такая. Понятное дело, прохладные нынче вечера. Конец августа...

2. Глафира

Лиза выиграла дело, и нас пригласили в Идолгу, на рыбалку.

Живописный берег реки, дивные зеленые заливы, синее небо, запах тины и рыбы, дымка и зажаренного на углях мяса. Холодное пиво, вино, счастливые лица тех, кто прежде называл себя подзащитными адвоката Лизы Травиной. Тишина вокруг была необыкновенная. И не было той легкомысленной музыки и суеты, которые обычно сопровождают веселые пикники. Чувствовалось, что люди просто расслабились после адской нервозности, что просто радуются жизни, но как-то осознанно, серьезно. Что каждый глоток воздуха – как глоток свободы. Сладкой и еще недавно кажущейся невероятной, несбыточной, как мечта.

История была нелепая, некрасивая, стыдная даже какая-то.

Владимир Александрович Кузнецов, бизнесмен, хозяйственник, глава района, человек предприимчивый, справедливый и щедрый, был обвинен в краже. Он якобы украл крупную сумму денег у своего попутчика, ехавшего вместе с ним в одном купе поезда Саратов – Москва. Душевный разговор под стук колес, мелькание спокойных степных пейзажей в окне с нарядными шелковыми занавесочками, водочка, колбаска, огурчики... Гадкая, мерзкая история, которая свела на нет все то душевное, славное, что объединило двух сильных мужчин и могло бы положить начало крепкой дружбе... Попутчик, обнаружив утром пропажу денег, сразу же, забыв обо всем хорошем, что было произнесено и прочувствовано за рюмкой водки, указал на Кузнецова...

Лиза, взявшаяся за расследование негласно, параллельно с официальным следствием, как она это делала часто, помогла разобраться в деле, безошибочно вычислила вора, который сошел в Тамбове, предварительно обчистив едва ли не весь вагон...

...Тишину благодарственного пикника, наполненного беззаботным смехом кузнецовской семьи, пением птиц и плеском рыбы в реке, время от времени нарушали приближающиеся выстрелы.

– Охотники, мои друзья, – улыбался подвыпивший Кузнецов, симпатичный, с веселыми глазами человек в цветной льняной рубашке и белых парусиновых шортах. Когда он улыбался, на щеках его образовывались обаятельные ямочки. – Развлекаются, мерзавцы!

И снова улыбка, широкая, открытая, а перед мысленным взором сцены из его охотничьей жизни, подстреленные грухари и тетерева, рябчики, вальдшнепы, а то и кабанчики... Вот, мол, подождите, угошу адвокатшу с подружкой по-царски, освобожусь, найду время и присоединюсь к вам, мерзавцы!

Лиза сидела на траве, обхватив руками колени, и смотрела на воду. Не зря же говорят, что самое завораживающее зрелище – это когда смотришь на текущую воду, огонь или на то, как работает другой человек. Так вот, мне часто казалось, глядя на Лизу, что я вижу, как работает ее мозг, как вьются, сплетаясь в сложный узел, ее драгоценные мысли в поисках верной версии. Работа мозга, как мне виделось, светилась в ее задумчивых глазах, в остром взгляде, который она бросала, казалось, в только ей ведомые пространства, в медленном повороте головы, словно лишь ей были открыты тайные ходы чужих мыслей, скрывающих злой умысел.

Со стороны могло показаться, что она с легкостью раскрывает запутанные преступления, будто одаренная волшебной интуицией. На самом деле она долго и тяжело работала над каждой версией, тщательно прорабатывая ее и проверяя.

Я же была лишь ее помощницей, ее правой рукой, человеком, со временем научившимся схватывать на лету ее идеи, версии, просьбы. Работать с ней было, с одной стороны, нелегко, хотя бы потому, что на ее фоне я сама себе казалась примитивным исполнителем, человеком без ума и без совести, поскольку мне платили незаслуженно много, с другой же – приятно и спокойно. Я никогда не замечала в Лизе признаков высокомерия по отношению ко мне, хотя знала, что мне до нее еще очень далеко в профессиональном плане. И я тянулась к ней, училась ее ремеслу, набиралась опыта.

Думаю, что чисто внешне наш тандем смотрелся довольно-таки уморительно: стройная, изящная, светловолосая и всегда элегантно одетая Лиза и я – огненно-рыжая пышка, обожающая толстые просторные свитера, штаны, бесформенные балахоны и удобные ботинки.

На поляне, где мы мирно беседовали ни о чем после обильного и сытного ужина, состоящего из ухи, закусок и вина, появилась группа людей, сопровождаемая прекрасными охотничьими собаками: сеттерами, борзыми, спаниелями. Охотники-любители, те самые друзья нашего Кузнецова, которые, априори обещая быть веселыми и счастливыми в азарте своей забавы, в реальности оказались серьезными, напуганными бледными людьми.

Владимир Александрович, зная этих людей давно, сразу понял: что-то случилось. Он быстрым шагом приблизился к группе охотников и как-то инстинктивно, будто заранее оберегая своих гостей и семью от какой-то страшной правды, отошел с ними к зарослям ивы, оттуда мы с Лизой могли слышать лишь удивленные возгласы.

Кузнецов, слушая говоривших, то и дело бросал на нас Лизой быстрые взгляды, словно сожалея о том, что мы не слышим прямо сейчас, из первых уст то, что внесло в этот тихий августовский день ощущение трагедии.

– Глаша, что-то у них стряслось, давай подойдем... Смотри, мужики бледные, лица вытянулись...

Кузнецов, увидев Лизу, как-то странно улыбнулся, будто извиняясь, и сказал, обращаясь к нам:

– Тут такое дело, Елизавета Сергеевна... Собаки трупы нашли... здесь, недалеко, на поляне... Наши. Сельские женщины: Надя и Валентина. Растерялись, конечно... Натоптали кругом... Вот, познакомьтесь, Елизавета Сергеевна Травина, мой адвокат, я тебе, Валера, говорил... Лиза, это Валера Варфоломеев, мой друг, фермер. Надя Карасева работала у него бухгалтером.

– Вызывайте группу, – сухо произнесла Лиза. – А вы, пожалуйста, отгородите место, где были обнаружены трупы. Никого туда не пускайте, собак привяжите...

В ожидании полицейских и прокурорских все выпили, закусили. Кузнецов отправил жену с детьми домой, мужчины, почувствовав себя спокойнее, принялись громко обсуждать случившееся.

– Просто не верится! Они две соседки, Надя и Валя! Молодые еще, симпатичные женщины, им бы жить, любить, рожать детей! А тут – убийство!

Лиза попросила отвести нас на место.

На залитой вечерним солнцем поляне, неподалеку от кустов дикой смородины мы увидели два женских трупа, лежащих рядом, ровно. Обе покойницы были босы. Одна женщина была явно удушена, другая лежала как живая, и только из раны на виске вытекла и засохла кровь.

– Они одеты, не думаю, что изнасилованы, – предположила Лиза. – Хотя... Да, со следами здесь будут проблемы – кругом густая трава... Смотрите, видите, след как будто от велосипеда или от... Даже не представляю, что бы это могло быть... Тележка, тачка? Вероятно, их и убили здесь. Вряд ли преступник, убив женщин в другом месте, принес их сюда на руках, следов протекторов машины нет.

– Вы хотите сказать, Лиза, что их убили тут? – удивился Кузнецов. – Но для того, чтобы их здесь убить, надо было, чтобы они пришли сюда. Но каким образом их можно было бы сюда заманить?

– Ну, нас же с Глашей вы сюда заманили, – вдруг рассмеялась легким добродушным смехом Лиза. Я видела, однако, как напряжена она, как думает, размышляет, пытается представить себе, что произошло на самом деле. – Я не удивлюсь, если где-нибудь поблизости мы обнаружим следы пикника... А вы как думаете? По-моему, здесь довольно живописно, спокойно, река рядом. Эти женщины... Чем занимались? Я так поняла, что одна из них...

– Надя, – подсказал ей Владимир Александрович. – Надя Карасева работала у Валеры бухгалтером. Понимаете, и Надя, и Валя были нормальными серьезными женщинами, то есть не вертихвостками какими-то.

– Они дружили? Были подругами? Что их объединяло помимо того, что они не были вертихвостками?

– Они соседки, и, как мне казалось, вполне ладили. Поселок наш небольшой. Все на виду, и если возникает какой конфликт, то это сразу становится известным. Понятное дело, что я далек от женских пересудов, но у меня жена... А она, как и любая другая женщина, любит немного посплетничать. Так вот, с ее слов я знал, что Надя Карасева вполне нормально живет... Да, она разведена. Они с Борисом Карасевым были хорошей парой. И один бог знает, как так могло случиться, что он ушел от Нади, которую любил, и женился на Соне, девушке из соседнего села – Докторовки. Поговаривали, что он сделал это, устав от безденежья... У нас здесь особенно-то работать негде, а у Сони этой отец умер и оставил ей в наследство большую ферму по разведению ондатр. Борис, женившись на Соне, заделался фермером, они и шапки шьют... Сейчас он успешен, богат, у них с Соней двое детей, но он, думаю, продолжает любить Надю, раз навещает ее...

И тут он словно очнулся, оглянулся. Легкий ветерок шевелил его поседевшие русые волосы. Он провел ладонями по лицу, вздохнул.

– Вот, елы-палы, так говорю о ней, будто это не она здесь лежит... Да у Бориса же сердце разорвется, когда он узнает, что Надя умерла. Удушили! Кто? За что?

– Говорите, Борис скучал по ней? Навещал? А он не мог убить ее из ревности, к примеру?

– Ой, Лиза, нет, что вы, что вы?! – замахал руками Кузнецов. – Это не такой человек... Я понимаю, то, что я рассказал о нем, его не красит. Брак по расчету, предательство по отношению к жене... Да, все это так. Но чтобы он ее убил?! А как же тогда Валя?

– Может, у него были отношения с соседкой? Что вы можете рассказать про Валю?

– Валентина Шинкарева – вдова. Овдовела не так давно, года два назад. Но быстро пришла в себя, не запила, как сделали бы многие на ее месте...

– А что, женщины у вас тут попивают?

– Как сказать... Выпивают... Да нет, это я не о Валентине. Просто у нас тут одна женщина тоже овдовела, правда, давно, в библиотеке работала, интеллигентная такая, Люба Загуменнова... Так вот, она после смерти мужа так тосковала, так страдала, ну ей наши местные бабы и помогли, стали наливать рюмку-другую... Ну а потом понеслось. Сейчас она и на женщину-то не похожа. Ходит чучело чучелом, пьет по-черному... Но я отвлекся. Валя Шинкарева. Вот уж действительно – ума бабе не занимать. Все, за что бы она ни бра-

лась, получалось. Она коз держит. Наняла себе работника и поселила его на самой окраине поселка, этот парень, кажется, его зовут Андрей, и пасет коз, и доит. Валя делает брынзу, сыр и отвозит в город. Еще гусями занимается, они там же, рядом с козами. Валя куда-то ездила, добывала эти драгоценные гусиные яйца, инкубатор купила, развела этих гусей и теперь поставляет их в город, в ресторан. Еще делает гусиный паштет, тушенку. И яйца продает...

Он остановился и посмотрел на лежащую в нескольких шагах от него мертвую женщину в нарядном платье.

– Не понимаю, как у кого-то поднялась на нее рука? Ей, кажется, разбили висок...

– Платье красивое, – заметила Лиза, разглядывая красные маки на белом шелке. – Явно не домашнее.

– А вот на Наде, обратите внимание, – сказала я, – домашний халат... Я подумала, что если, к примеру, женщин бы сюда позвали, то вряд ли Надя пришла или приехала, как ты предполагаешь, на пикник, в халате...

– Какая странная история. Две женщины. С одной стороны, вроде бы благополучные, с другой – обе с неустроенной личной жизнью, я правильно поняла?.. – Лиза вопросительно взглянула на Кузнецова.

– Да, верно, обе жили без мужей. Что же касается личной жизни, ну, в том смысле, вы меня понимаете... то я не знаю, был ли у них кто или нет.

– И вот однажды их находят убитыми на окраине деревни...

– ...поселка, – поправил машинально Владимир Александрович.

Фермер Варфоломеев, высокий брюнет с вытянутым лицом и обвислыми щеками, который нервничал больше всех, поскольку погибла его работница, отозвал в сторону Кузнецова, и они зашептались.

– Елизавета Сергеевна, – Кузнецов вернулся к Лизе с другом, – Валера просит вас помочь разобраться в этом деле и готов оплатить ваши услуги.

– Да-да, пожалуйста... – Варфоломеев смутился. – Какая жуткая история... До сих пор не верится, что все увиденное – не кошмарный сон. Надя... Она была такая... живая, вы понимаете меня? Энергичная, молодая, умница, на нее всегда можно было положиться... Если вы согласны, то мы можем встретиться где-нибудь и поговорить. Все, что мне известно о Наде, я расскажу. Еще и жену свою спрашиваю, она у меня тоже многое знает... Все выясним, с кем встречалась, чем занималась в свободное время, ну все, понимаете?

– Хорошо, мы возьмемся за это дело, только вы поселите нас с Глафирой где-нибудь здесь, в Идолге... Ты как, Глаша?

Она улыбнулась мне, и я поняла, что мы точно останемся в Идолге и не уедем отсюда до тех пор, пока не соберем всю информацию об убитых. А это означало, что нам придется объяснять своим мужьям ситуацию и снова в который раз делать вид, что мы как бы отпрашиваемся у них. Все это, конечно, страшно глупо, но что делать, если мужчинам так необходимо сознание того, что мы являемся чуть ли не их собственностью. Старая как мир игра, в которую мы добровольно играли.

Хотя на самом деле, несмотря на то, что и у Лизы, и у меня хорошие мужья и наши семьи можно назвать счастливыми, поскольку там царила любовь, мы иногда испытывали потребность уединения. Нам просто необходимо было иногда на время отдалиться от семьи, пожить своей какой-то уж совсем частной жизнью, заполненной, однако, работой. Эти желания объединяли нас с Лизой, и мы с головой погрузились в очередное дело.

– Вы можете пожить в моем доме! – воскликнул Кузнецов. – У нас одно крыло пустует, там раньше жила моя сестра, но потом вышла замуж и уехала в Москву. Там хорошо, просторно, имеется отдельный вход. А Катя, жена моя, будет вас кормить. Думаю, условия просто идеальные! Не говоря уже о горячей воде и прочих удобствах!

– Мы согласны, да, Глаша?

Я кивнула. Перспектива пожить в деревне, в тишине, отдаваясь исключительно интересной и увлекательной работе, меня очень даже устроила.

Послышался шум моторов, на горизонте появились машины – полицейская, желтая, за ней еще две черные, прокурорские. Самым последним был небольшой серый микроавтобус, скорее всего, с группой экспертов.

– Ну вот и все, Глашенька, – Лиза похлопала меня по плечу. – Работаем.

3. Племянница Ирина

Я не могу сказать, что завидовала Валентине. Это было какое-то совсем другое чувство. Когда завидуешь, то хочется, чтобы у тебя было все так, как у объекта твоей зависти. А мне совсем не хотелось быть похожей на мою тетю, да и образ жизни ее меня бы не устроил. Она встает с петухами и сразу же впрягается в работу. Утро у нее, пожалуй, самое трудное время. Ведь у нее огромное хозяйство: козы, гуси. Тому, кто никогда не бывал в деревне и не занимался живностью или птицей, не понять, насколько это муторно и ответственно. Ведь всех надо напоить, накормить. Проконтролировать дойку коз, затем целый день квасить молоко, делать брынзу, сыр, потрошить гусей, варить тушенку и паштеты...

Когда смотришь на Валюшу со стороны, то удивляешься тому, насколько все ее движения отработанны, она двигается, словно робот, а руки ее то по локоть в молоке или твороге, то в гусиной крови, то в тесте, то в грибах...

И лишь к вечеру она успокаивается, сначала полежит немного, иногда и поспит, а потом выпьет чашку кофе, выкурит сигаретку, нарядится и пойдет гулять по деревне. К соседке зайдет, Наде, там посидит, поговорит, послушает подружку, да и дальше пойдет. Скукотища! Домой вернется, устроится уютненько перед телевизором, увязнет по уши в своих любимых сериалах, а там уже и спать пора. Возьмет подушечку, укроется теплым одеяльцем и на боковую. Тоска!

Нет, такая жизнь не для меня.

Во-первых, я не понимаю, как вообще можно жить без мужчины. Ладно без мужа, но любовника-то уже давно могла бы себе завести. Валентина у нас женщина красивая, светлые русые волосы, яркие синие глаза с черными ресницами, полная грудь, длинные ноги. Когда она идет по улице, все смотрят на ее грудь и бедра, которые покачиваются из стороны в сторону, но не вульгарно, а наоборот, аккуратненько так, сдержанно, но все равно так, что глаз не отвести. Нет, это я не про себя, конечно. Просто я знаю мнение мужчин, которые видели мою тетю. Ей всего-то тридцать пять. Но выглядит она гораздо моложе. А если бы не пахала как лошадь, так и вовсе сошла бы за двадцатипятилетнюю.

Да, я не завидовала ей, но как тогда объяснить чувство, когда начинаешь сравнивать свою жизнь с жизнью Валентины и понимаешь, что по большей части хотела бы все равно оказаться на ее месте? В городе у меня есть маленькая квартирка, доставшаяся мне по наследству от моей матери, родной сестры Валентины. Мою мать звали Клара. Она была антиподом Валентины: невысокая брюнетка с плоской грудью и кривоватыми ногами. Возможно, моя бабушка родила ее от соседа-татарина, Рената. Но свечку никто не держал...

Так вот, я ненавидела свою квартиру. В ней всегда было холодно, неуютно, не прибрано и пахло тинной, болотцем. Разве что лягушки не квакали. А летом все стены и потолки казались серыми от огромного количества комаров. В жилищной конторе знали об утечке канализационных вод в подвал, однако ничего не предпринимали, словно ждали, что наш дом вот-вот рухнет...

Дом Валентины же после моей квартиры казался мне просто образцом порядка, чистоты и уюта.

Дом большой, с множеством комнат и солнечным застекленным чердаком, где тоже можно было спать, жить. Правда, Валентина хранила там старые вещи, матрасы, одеяла.

К примеру, поздней осенью, когда в городе еще не начали топить, в доме Валентины было тепло и даже жарко от новенького мощного котла и батарей.

А еще, находясь у Валентины, невозможно было остаться голодной. Холодильник ее был всегда заполнен вкусной едой, на плите тоже постоянно что-то варилось, булькало.

Ванная комната была вообще гордостью Валентины и нисколько не уступала городским.

Но главное, что мне нравилось, когда я приезжала к тетке, это ощущение полной защищенности. Ни дождь, ни буран, снегопад или метель, ничто не могло навредить дому. Наоборот, в жуткую непогоду, когда вся земля, казалось, стонала под порывами ветра и сотрясалась от грома, находиться в доме Валентины было особенно приятно.

Зависть. Нет, не то. Не могу подобрать слова, чтобы объяснить свои чувства к ней. Понимаете, у нас с ней как-то сразу распределились роли: я была отрицательным персонажем, Валентина – положительным. Если верить Валентине, то во мне сконцентрировалось все плохое и даже отвратительное, что вообще может иметь отношение к женщине. Делать ничего толком не умею, неразборчива в связях, транжира, грязнуля и вообще глупая. Удивительно, что при всех моих недостатках моя тетя любит меня и помогает. Вернее, помогала. Все никак не привыкну, что ее больше нет.

Ее холодильник, тот, что в сенях, до сих пор набит баночками с гусиным паштетом. И мне не верится, что все эти паштеты, и козы, и дом, и деньги, и все-все, что раньше принадлежало Валентине и что было заработано ею, теперь мое.

И даже в полной тишине дома, в комнате, где я точно знаю, что никого нет, мне чудится звук ее тихих шагов, ее дыхание, шорох платья и даже аромат духов. Словно она еще где-то здесь, рядом со мной, следит за каждым моим движением (а может, и за мыслями?!) и думает: ну ничего себе, этой девице все свалилось на голову! В смысле, богатство. Да, я теперь богата. Но никто об этом не знает. Дом – да, счета в банке – да, гуси и козы – да, все это будет надлежащим образом оформлено на мое имя, поскольку я – единственная наследница. Но то, другое, что греет душу и заставляет мое сердце биться с удвоенной, а то и с утроенной силой – об этом никому не известно. И если это всплывет наружу, если об этом кто-нибудь узнает, то мне конец.

Часто вспоминаю ее нравоучения. Ты, говорит, Ирка, порхаешь по жизни, как бабочка. И эта самая жизнь пролетит мимо тебя, оглянуться не успеешь. Много она знала о моей жизни. Ну да, серьезной уж меня никак не назовешь, это правда. Мужчин я люблю, вернее, они меня любят, и я редко кому отказываю. Особенно если мужчина деловой, серьезный, при деньгах. Он и в ресторан сводит, и цветы подарит, и комплименты скажет, и будет весь такой вежливый-вежливый. И кто виноват, что почти все те, с кем мне приходилось иметь дело, женаты? Пусть женаты, зато рядом с ними не чувствуешь себя одинокой. А вот Валя была одинокой. И когда я приезжала к ней, она радовалась искренне, я это чувствовала, и это потому, что ближе меня, как я думала, у нее никого не было. И пусть мы с ней ругались и она сильно обижала меня, особенно в те моменты, когда учила жизни, но все равно мы любили друг друга, поддерживали, и как бы нас жизнь ни била, мы оставались родными людьми.

Понятное дело, что сблизились мы после смерти Егора, мужа Вали. Вот была пара – загляденье! Всегда вместе, видно, что были счастливы. Она прямо-таки сияла рядом с ним, а он – рядом с ней. И тогда многие им завидовали. Вокруг почти все мужики пьют, а Егор мало того, что не пьет, еще и работает много, каждую копейку несет в дом. Это он отбирал и покупал коз, разводил гусей, научил Валюшу делать паштеты, нашел покупателей-рестораторов...

Он погиб неожиданно, как это всегда бывает, когда из жизни уходит молодой человек. Был май, все распускалось, Идолга со своими садами напоминала настоящий цветущий рай. Егор возвращался из города на машине, не справился с управлением и врезался в столб. Валя

говорила, что у него сердце, что ли, прихватило и что он отключился еще в машине, то есть умер.

Хоронили Егора всей деревней. Валентина, во всем черном, была так торжественна и красива, что все смотрели, как мне тогда показалось, только на нее. Вероятно, ждали от нее истерики, но она была сдержанна, стояла возле могилы с белым лицом...

Истерика была уже дома, когда ее никто, кроме меня, не видел. Она так рыдала, что, казалось, еще немного, и ее сердце не выдержит, разорвется.

Я успокаивала ее, как могла, держала в своих руках, как в кольце, жалась щекой к ее щеке и тоже тихо плакала. Так жаль ее было. Вот тогда-то она и сказала мне, мол, Ирка, только ты у меня и осталась. Не бросай меня. Я и не бросила. Приезжала к ней. И хотя потом-то она все равно упрекнула меня, что я приезжала к ней из-за денег, но деньги-то она сама мне давала, я не просила. Просто приезжала, рассказывала о своей жизни, и она понимала, что у меня в кармане ветер гуляет, что нечем заплатить за квартиру, что скоро электричество отключат. Не говоря уже о том, что мне просто нечего было есть. Ты, говорит, Ирка, живешь неправильно. Тебе не продавщицей надо работать, а пойти учиться, как все нормальные девушки твоего возраста. Но кто виноват, что у меня нет способностей и что я неусидчивая такая. Знаю, что, если и поступлю куда-нибудь на коммерческое отделение, все равно учиться не буду, что не найду в себе силы ходить на лекции, тем более что я уже пробовала, и у меня ничего не получилось: я за компанию с моей подружкой Сашкой поступила на философский факультет университета. Думаю, что нас с ней приняли исключительно из-за того, что в городе и области нашлось слишком мало желающих поступать на этот факультет. Философия – что это такое, я до сих пор теряюсь в догадках. Это как космос... И за это деньги не платят, в отличие от профессий, связанных с экономикой, туризмом, психологией...

Я в первый же месяц закрутила роман с одним из преподавателей. Видный такой, серьезный дядечка, он так долго смотрел на меня во время лекции, а потом, в конце, сказал, чтобы я задержалась. Ну, я и осталась. Он вежливо так и на полном серьезе сказал мне, что хочет, чтобы я подготовила какой-то там доклад о Канте, и для этого он готов был дать мне одну редкую книгу, которой нет в читальном зале университетской библиотеки. Мы договорились встретиться с ним в центре, я пришла вся такая нарядная, в духах и туманах... Книжку он мне, конечно, принес, но мог бы и не приносить, все равно весь вечер мы провели у меня дома, ели купленные им пирожные, пили шампанское. Он оказался ну просто каким-то извращенцем, я еще подумала тогда, все они, что ли, преподаватели с такой богатой фантазией. И все бы ничего, ко всему можно приспособиться, если бы не его противные звонки жене, он врал ей на моих глазах, противно гримасничая, что у него сломалась машина, что он ждет, пока ее починят в мастерской...

Сентябрь был теплый, солнечный, и я стала прогуливать лекции, а потом и вовсе бросила университет. Работала где придется, встречалась с мужчинами, тянула с них деньги и, если ничего не выходило, тут же бросала их.

Однажды, примерно через пару недель после похорон Егора, я проснулась в чужой квартире и поняла, что совершенно не помню, где я и как зовут огромного волосатого мужика, что спит рядом со мной. Квартира была так себе, с обшарпанными обоями и грязными окнами, на полу валялись пустые бутылки и поднос с остатками ужина. Постель тоже была какая-то несвежая, серая, чужая. От мужика несло перегаром. Я выскользнула из-под одеяла и сразу же замерзла. Собрав одежду, заперлась в ванной комнате. Взглянула на себя в зеркало и ахнула: косметика размазана по лицу, под глазами припухлости, волосы торчат в разные стороны... Открыла кран с горячей водой, но оттуда шла только ледяная... Мыло ядовито-розового цвета с налипшими черными короткими волосками... Я умылась, оделась и сбежала оттуда. До сих пор не могу вспомнить, где была и с кем... Приехала домой, хотела

помыться, но и у меня тоже отключили горячую воду. Решила выпить кофе – в буфете ни грамма кофе, ни пакетика чая. Ни хлеба, ни варенья, ничего! И тогда я вышла из дома, села на автобус, добралась до вокзала и оттуда уже на электричке доехала до Идолги. Подошла к дому Валентины и испытала какое-то облегчение, словно я вернулась домой. Словно это мой дом. Вот такое странное чувство. Будто заранее знала, что когда-нибудь этот дом на самом деле станет моим. Тетки дома не было. Но я знала, где она прячет ключи. Открыла, вошла и сразу же включила бойлер. Вода нагрелась моментально. Горячий душ, чистые полотенца, вкусная пшенная каша с тыквой и огромным количеством сливочного масла и сахара, крепкий чай!

...Валя, Валентина. Думаю, она сейчас еще где-то в доме. Ходит по комнатам, ищет меня. Я слышу, как скрипят половицы. А что, если она набросится на меня и задушит? Вот так люди и начинают верить в призраков.

Господи помоги, господи помоги... Господи, спаси и сохрани.

4. Глафира

К тому времени как с поляны, где были обнаружены трупы женщин, разъехались все машины, тут собралась чуть ли не вся деревня. Сначала односельчане просто стояли молча, шокированные событием, потом, словно им дали отмашку, ожили, задвигались, заговорили. Сгруппировавшись по только им известным признакам, разговаривали, выдвигая одну версию за другой: кто и за что мог убить женщин.

Лизе удалось побеседовать с прокурором района, следователем, которому было поручено вести дело, поговорила она и с судмедэкспертом. К моему удивлению и нескрываемой радости, я поняла, что фамилия моей подруги производит должное впечатление на представителей правоохранительных органов. «Елизавета Сергеевна Травина», – сухо представлялась она и полицейским, когда ей надо было выяснить что-то, а заодно наладить контакт, и прокурорским работникам. Поскольку все это были мужчины, то и рассматривали они Лизу по-мужски, пристальными взглядами, дерзко задерживаясь на обтянутой тонкой трикотажной блузкой груди, округлом задке Лизы и длинных стройных ногах в белых льняных шортах. Они и понятия не имели, как это известный в области адвокат, невероятная и непостижимая Лиза Травина, о которой ходили легенды, могла оказаться в деревне Идолга. Да еще и на месте преступления. Какие отношения связывают ее с Владимиром Кузнецовым? И что здесь, в этой компании, делают деревенские охотники?

Лиза осталась с Кузнецовым на поляне, чтобы с его помощью познакомиться и побеседовать с потенциальными свидетелями, задать им вопросы, записать их имена, адреса, номера телефонов. Со всем этим нам потом предстояло работать.

А меня отправила в соседнюю деревню Докторовку в компании Валерия Варфоломеева, работодателя Надежды Карасевой, подогнавшего к поляне свой джип. Следовало немедленно встретиться и поговорить с бывшим мужем Надежды. Причем сделать это желательно до того, как с ним встретится следователь.

Когда я садилась в машину, не могла не заметить, что все вокруг стало малиновым, сверкающим, прекрасным. Словно природа решила предзакатными красками напомнить собравшимся в этот трагический час людям, что не все так гадко, отвратительно и страшно. Что существуют солнце и запахи теплых трав и цветов, что поблизости протекает река, в которой плещется рыба. Но люди не понимали этого. Все они, деревенские жители, давно уже привыкли к этим красотам, а потому просто не замечали вокруг себя ничего. Сейчас их всех волновало только одно: кто убийца? И не находится ли он среди них.

Мы с Варфоломеевым были первыми, от кого Борис Карасев, бывший муж Надежды Карасевой, узнал о ее смерти.

Ничего не подозревая, он, розовощекий крепыш с умными карими глазами, в рабочем синем комбинезоне и клетчатой рубашке, встретил нас у калитки и пригласил войти во двор, скорее напоминавший небольшой яблоневый садик с новенькой деревянной беседкой.

– Проходите, коль не шутите, – он пропустил меня вперед и усадил за чистый стол в беседке. – Валерий Петрович, милости просим. Жены дома нет, но я могу быстро организовать соленые грибочки, водочку... У меня и рыбка жареная есть, а?

– Борь, привет, – нахмурился Варфоломеев. – С Надей беда.

Я поняла, что он сразу произнес имя бывшей жены Карасева, чтобы тот не успел, заметив скорбное выражение лица Варфоломеева, предположить, будто беда приключилась с его нынешней семьей, с детьми.

– Что? Что случилось? – Взгляд Бориса заметался. Он смотрел то на меня, то на Варфоломеева. И сразу побледнел. – Она жива?

– Нет, Боря. Ее убили. Поэтому мы здесь.

И Валерий Петрович обстоятельно, стараясь не смотреть Карасеву в глаза, рассказал все, что знал о смерти Надежды.

– Это помощник адвоката, Лизы Травиной, – Глафира. Она должна задать тебе вопросы до того, как к тебе понаедут люди из полиции и прокуратуры. Травина по моей просьбе будет вести альтернативное расследование. О деньгах не беспокойся, мы все оплатим. Ты не представляешь себе, как я хочу узнать, кто же сделал все это с ними, нашими бедными бабоньками. И я узнаю, мы... – он с надеждой посмотрел на меня, – мы узнаем.

Тактичный Варфоломеев оставил нас за столом и пошел прогуляться по саду.

– Ее изнасиловали? – спросил меня Карасев. Во взгляде его было столько боли!

– Предварительный осмотр показал, что насилия не было. Но это убийство. Надежду удушили. Руками. Возможно, удастся обнаружить отпечатки пальцев на ее шее и определить, кому они принадлежат. Скажите, Борис, когда вы в последний раз виделись со своей бывшей женой? И вообще, какие между вами существовали отношения?

– Надя... Господи, да как же такое возможно?! Надя... Я-то думал, что когда-нибудь она простит меня, а она взяла да и ушла. Вы ничего не знаете, вы человек новый, а так бы знали, что я ушел от нее, бросил... Встретил Сонечку... – Он тяжело вздохнул. – А-ах... Чего теперь вздыхать, когда ничего уже не вернуть. Предал я ее, понимаете? Устал сидеть без денег, без работы. Попивать начал, да вовремя остановился. За мной Соня бегала, звонила, записки через подружку передавала, мол, давай встретимся. С Надей-то мы тогда поссорились, она упрекнула меня в том, что я никчемный человек, ничего-то не умею, денег не зарабатываю, ну я и поехал сюда, в Докторовку, на свидание с Соней. А она, знамо дело, моложе меня, совсем юная, вся из себя блондинистая, нежная... У нее отец как раз недавно помер, все говорили, что ферму ондатровую на нее записал, мол, богатая невеста, кому-то повезет, ну и все такое, народ у нас охоч языки почесать. Ну, я и пришел к ней, да тут и остался... Она мне блины-котлетки, ласковая такая, да еще и забеременела сразу, а я так детей люблю, вот я и развелся с Надей, женился на Соне.

– Надя была бесплодной?

– Это я сделал ее бесплодной. Скотина! – Борис ударил себя в грудь кулаком, и вышло у него это совсем по-киношному. – Заставил пойти на аборт. Говорю же – скотина!!! Кругом виноват... Всегда чувствовал свою вину, потому и ходил к ней, старался помочь. Да и вообще, она продолжала быть для меня родным человеком. Вот так-то вот.

– Когда виделись в последний раз с Надей? – повторила я свой вопрос.

– На прошлой неделе.

– Как проходили ваши встречи? Вы наверняка многое о ней знали: как она жила, с кем встречалась? Проблемы?

– Знал, что живет она одна и, слава богу, хорошо, сыто. Во-первых, она вот у Валерия Петровича на хорошем счету была, бухгалтером у него работала. Получала нормально. Да и я ей подбрасывал. И деньжат, и продукты привозил, деликатесы разные. В прошлом году шубу купил... – последние слова произнес, давась слезами.

– А она как к вам относилась?

– Точно сказать не могу, в смысле любила или не любила, но с уважением, это точно. Я всегда ей предварительно звонил, предупреждал о своем приезде, так она всегда стол накроет, буженинку порежет, какую я люблю, она сама ее делала, с чесночком. Ну, водочку, это уж само собой. Пирожки там... Это я к тому, что ждала она меня, понимаете? Почти как мужа ждала.

– Близкие отношения между вами были?

– Чего скрывать – были, – он быстро оглянулся, как бы его не услышал Варфоломеев. – Не часто, конечно. Иногда я приеду, а у нее эта, Валя, соседка... Господи! – он перекрестился. – До меня только что дошло, что и ее тоже порешили! Вот изверги! Так она, Валя-то, как чуяла всегда, что я пришел, тоже раз – и заглянет вроде бы как на огонек вот, мол, и я, не ждали ни х... Извините.

– Думаете, она делала это нарочно?

– Иногда казалось, что нарочно, а сейчас вот подумал: нет, не нарочно. Понимаете, она же тоже баба одинокая, к кому еще зайти, как не к такой же, как сама? Они дружили – моя Надюша и Валька. Думаю, она и без меня частенько заходила, почти как к себе, понимаете?

– Надя никогда не жаловалась, что у нее проблемы на работе? Все-таки с деньгами дело имела.

– Нет, никогда ничего такого не говорила. Она вообще-то очень аккуратная в этих вопросах была. Ни одной бумажки, ни одного документа, в смысле не прочитав, не подписывала. Ничего такого, что могло бы ей навредить, не сделала бы и на себя бы не взяла. Думаю, вы понимаете, что я имею в виду, – и тут он снова покосился на бывшего начальника бывшей жены, который, присев под яблоней, курил в задумчивости.

– Борис, скажите, кто и за что, по вашему мнению, мог убить Надю?

– Никто и ни за что, вот что я вам скажу. Врагов у нее не было. Характер она имела золотой. Ни с кем не конфликтовала.

– У нее, кроме вас, никого не было?

Лицо Бориса Карасева порозовело.

– Сказать откровенно, я не в курсе. Но, возможно, кто-то и был. Звоню ей, а она отказывается принять меня, говорит, что занята или в городе. Ну чем уж таким она может быть занята, что не пустит меня. Не знаю... Может, завелся кто, мужчина? Но у нее никто не жил, это я точно знаю. Ни зубной щетки, ни бритвы, ни мужских тапок, разве что мои, старые, так я их и надевал, когда приходил к ней. Вы же понимаете, когда мужик в доме, все равно что-то да бросится в глаза, какая-нибудь мелочь. Так вот, у нее никто не жил. Она жила одна. Но может, кто-то и похаживал. Да только не из местных.

– Почему вы так думаете?

– Да потому, Глафира... не знаю, как вас там по батюшке..

– Григорьевна, но это неважно...

– Да потому, Глафира Григорьевна, что если бы кто из местных, так не смолчал бы, поделился с другом, а там уж и распространилось бы по всей Идолге. Стыдно сказать, но наши мужики еще не научились держать язык за зубами. И уж если бы кто из них захаживал к моей Надюше, вся Идолга бы знала.

– А если бы кто из чужих к ней приезжал, молчали бы?

– Если к ней ночью кто приедет, так кто увидит-то, окромя Валентины? Дома-то у них на окраине, возле леса, а там и дорога проходит.

– Понятно. Скажите, если бы ее кто позвал туда, на поляну, где их и нашли, она бы пошла? Как вам объяснить...

– Да понял я, понял. В смысле, не легкомысленная ли она была? Легкая на подъем, это точно. И с Валюшей могла бы пойти. А почему бы и нет? Может, позвали их какие залетные, городские орлы, на пикничок... Не знаю. Разве могли они предполагать, чем все закончится?

– Вы поймите, их убили. Не изнасиловали, но убили. Может, они знали чего?

– Может, и знали. Или увидели. Потому что сами-то они были прекрасными женщинами, и убивать их никакого резону нет. И как же это получилось: убили и бросили на поляне? Могли бы закопать, я так понимаю...

– А что можете сказать о Валентине?

– Трудяга, вот что я могу сказать. Жаль Валю, муж ее, Егор, погиб и оставил ее одну со всем этим хозяйством... Баба в соку, красавица, так к ней сразу и повалили женихи чертовы, алкаши местные. Ну, она их, конечно, отбрила. На кой они ей, когда у нее и так все хорошо. А уж друга для сердца или еще для чего можно найти и получше, чем наши местные ханурики.

– Они на самом деле дружили между собой – Надя и Валя? Или, может, иногда бывали конфликты? Между соседями, знаете ли, не всегда все гладко бывает. То за сантиметр земли готовы судиться, то требуют дерево спилить, которое тень дает на грядки... Сами же знаете.

– Нет-нет, они ладили между собой, были как сестры. Ничего такого припомнить не могу. Валя, она безобидная, хорошая женщина.

– Спасибо вам, Борис. Вы мне очень помогли. Если можно, позвольте, я запишу номер вашего телефона. А вот вам и моя визитка. Если вспомните чего, звоните. Думаю, вам не надо объяснять, что для нас сейчас каждая деталь важна.

– Понимаю. И буду вам очень благодарен, если вы найдете убийцу.

В целом Борис Карасев произвел на меня благоприятное впечатление. Конечно, по отношению к своей бывшей жене он поступил подло. Но не мне его судить. Он и сам все понимает и страдает. Иначе зачем бы навещался к бывшей жене? Я была уверена, что он просто продолжал любить Надю и приезжал к ней, чтобы она увидела его в новом качестве успешного предпринимателя, состоявшегося человека, мужчины, твердо стоявшего на ногах. Я даже представляла себе их свидания, первые минуты его пребывания в некогда их с Надей доме, когда он сначала обнимет ее, поцелует, а потом небрежно так говорит, вот, мол, тебе, Надюшка, денег немного, и тут в сумке кое-что, посмотришь после...

А что, интересно, испытывала при этом сама Надежда? Думаю, ей было горько осознавать, что Борис теперь принадлежит другой женщине и что это с ней он завел детей, и это с ней он ужинает вечером и ложится спать, чтобы потом рядом с ней проснуться... Что у них – семья.

Валерий в машине продолжал вспоминать Надежду, строил различные версии случившегося, а когда машина остановилась перед воротами дома Кузнецова, сказал с тоской:

– Э-эх, проморгал я Надюшу. Все хотел ей признаться в своих чувствах... Будь я посмелее... Ну да что теперь говорить... Вместо свадебного букета цветы на могилу положу, дурак.

5. Людмила

Вот говорят, что любовь – это химия. Я не знаю, химия это или физика, но боль она причиняет страшную, невыносимую. Человек не знает, что творит, ведет себя как безумный, совершает одну ошибку за другой, причем ошибки, как правило, непоправимые. Я читала одну книгу, роман, там еще эпиграф такой имеется: «Всем погубленным страстью посвящается». Так вот, это книга для меня. Может, не про меня, но для меня, это точно. Потому что все эти истории, которые собрали под одной крышей романа, мне понятны. И я готова подписаться под каждым словом, мне близки мотивы поступков. Книга о том, как нормальные женщины, из благополучных семей, поддавшись этой самой химии под названием «страсть», оставляют свои семьи, бросают своих детей (!!!) и уходят в свободное плавание с мужчиной. И чаще всего мужчина недостоин этой женщины. Потому что нормальный мужчина никогда не станет разрушать чужую семью, разлучать любимую женщину с ее ребенком. И ведь все кругом понимают, что совершается тяжкий грех, что женщина летит в пропасть, и никто, никто из близких и друзей не протянет руку помощи, не спасет, не подхватит. Все только осудят, заклеят.

Вы, наверное, думаете, что я вся такая из себя правильная, что мне хорошо видно со стороны, кто и в какую пропасть летит, но на самом деле это не так. Я-то сама уже прилетела, опустилась на самое дно, ниже уже лететь, точнее проваливаться, некуда. Мой муж, которого я обманывала, уже в земле. Я похоронила его на днях. И слезы, которыми я поливала его гроб, вы не подумайте, самые настоящие. Гера был хорошим человеком и, как мне думается, любил меня. Конечно, чувства наши давно угасли, как это бывает в долгом браке, но мы хотя бы уважали друг друга. Ну, или создавали видимость уважения, что тоже неплохо. В сущности, он никогда ни в чем мне не отказывал, зарабатывал деньги, а я тратила. Я понимала, что у него есть какая-то другая, мужская жизнь, но старалась об этом не думать. Если бы я страстно любила его, то его долгие отлучки, командировки были бы восприняты мной как трагедия. Однако в его отсутствие я не особо-то и страдала. Отдыхала даже, можно сказать. Но когда он возвращался, я всегда встречала его, как и подобает хорошей, верной жене. Приготовлю, бывало, ему ванну с горячей водой, чистую пижаму, накрою на стол, налью коньячку и все такое. Мне казалось, что он будет со мной всегда, до самой смерти. Мы привыкли друг к другу, порой мне хотелось даже рассказать ему о своих женских горестях, любовниках, да-да, это так! Конечно, я не делала этого, но все равно мы были с ним близкими, родными людьми. И когда он умер, я прямо рыдала! Честно. Никак не могла взять себя в руки, мне казалась невыносимой мысль, что его больше нет. Что вечером я не услышу знакомое позвякивание ключей и звук шагов в передней. Пусть мы давно перестали с ним... Короче, мы не испытывали друг к другу никаких чувств, но это не мешало нам проводить вечера вместе, ужинать, разговаривать о том о сем. Когда он болел, я лечила его, ставила ему горчичники, натирала поясницу мазями, когда его скручивало, даже выстригала ему из ушей волоски. Говорю же, мы были близкими людьми.

Когда он лежал мертвый в гробу, мне казалось, что я вижу кошмарный сон, что вот сейчас я проснусь и услышу его мерное дыхание или легкий храп. Гера никогда громко не храпел.

И я до сих пор не могу понять, как так могло случиться, что в первую же ночь после похорон я напилась и устроила истерику, я кричала и плакала, смеялась и танцевала, я сама не могла понять, что со мной случилось, и не знала, как мне реагировать на то, что произошло. Умер мой муж, исчез Сережа, а я хохочу во все горло, должно быть, я сошла с ума!

Возможно, так выразился мой протест против смерти, словно она была совсем близко, но не заметила меня, когда размахивала своей страшной косой.

История вышла совершенно дурацкая. И началась она в салоне красоты, где мне обожгли лицо и грудь. Когда я вышла из солярия, мне показалось, что земля уплывает у меня из-под ног, а когда я подошла к зеркалу, сразу поняла, что случилось. Я была красная как рак! А еще пекло одно веко. Вроде бы я в этом соляриумном гробу лежала ровно, непонятно, как такое вообще могло случиться, что у меня обгорело одно веко. Я бросилась к хозяйке салона, ворвалась к ней, как фурия, показала ей на мое лицо, но, думаю, она, увидев меня, и так все поняла. Окаменела вся, смотрела на меня и прикидывала, думаю, ту сумму, которую она готова выложить, лишь бы я не поднимала шум. Но мне было наплевать на то, что мы с ней в последнее время стали почти подругами. Я кричала на нее, топала ногами, а одевшись, пулей вылетела из салона и помчалась в прокуратуру, благо она была за углом. Как во сне писала заявление, в котором изложила всю правду, что, мол, такого-то числа, во столько-то я посетила солярий в салоне и сразу же почувствовала себя плохо. Что у меня сгорели лицо, грудь и глаз! И только после того, как я разрядилась там, в тихой, наполненной чужими страхами и надеждами прокуратуре, я вышла на свежий воздух, провела рукой по своему пылающему лицу и поняла, что теряю сознание... Я едва добралась до больницы, откуда меня на «Скорой помощи» направили напрямик в ожоговый центр, где и поставили диагноз: «ожог ультрафиолетовыми лучами лица и груди». Разве могла я тогда думать о том, что на даче меня дожидается Сергей. Да я вообще забыла о нем! Вернее, где-то внутри я понимала, что как будто выпала на время из реальности, что могу стать калекой, и вот когда я думала об этом, то представлялся мне именно Сережа, его удивленный взгляд, его потрясение, когда он увидит мою красную рожу!

Я пришла в себя в больнице, не в том смысле, что была без сознания, а потом очнулась, нет, просто я пришла в себя и поняла, что пропустила свидание. Что Сережа, возможно, до сих пор ждет меня на даче. Я порылась в сумке и поняла, что оставила в солярии свой телефон. Позвонила туда, попросила девушку Марину из солярия, которая, кстати сказать, и сделала меня инвалидом, чтобы она разыскала мой телефон и срочно привезла мне. Она приехала, я спокойно сказала ей, что ее ждет тюрьма, что она дура, после чего взглянула на телефон, в полной уверенности в том, что там пятьдесят пропущенных звонков от моего любовника, и была разочарована отсутствием вызовов! Получается, что он мне не позвонил. Сказать, что он такой уж обидчивый, я не могла, мы с ним встречались к тому времени целый год, и я более-менее знала его характер. Он приехал, дождал меня и что? Почему не позвонил? Странно, подумала я. Он знает, что я на машине, а вдруг со мной что-нибудь случилось? Тогда я сама решила позвонить, но ответом мне была полная тишина. Я начала злиться. Мне и в голову тогда не могло прийти, что случилось что-то с Сережей, не говоря уже о моем муже! И разве могла я тогда представить, что после этой истории с солярием я окажусь в настоящем аду!

Да, все указывало на то, что Сережа виноват, что это он все сделал, что это из-за него умер Гера и что это он украл деньги, но я не могла в это поверить, вот не могла, и все!

Вы просто не знаете его. Он не такой человек. Он не альфонс, как это могло бы показаться на первый взгляд. Он очень милый и сентиментальный человек. Когда я с ним познакомилась, он работал продавцом в одном маленьком парфюмерном магазине. Он мог часами рассказывать мне о духах, он вообще считал, что запахи оказывают громадное влияние на настроение человека. И он по запаху может определить характер женщины, ее темперамент и все такое. Он не был совсем уж беден, но и не богат, это факт. Вы не видели его, а если бы увидели – высокий красивый блондин с зелеными глазами и длинными ресницами, – то поняли бы, что этот человек просто не способен на подлость и тем более на воровство. Да,

в нем маловато мужественности, но зато какой он нежный, ласковый. Да любая женщина отдала бы половину жизни, только бы быть с ним...

Я была у него дома. Скромная обстановка, но как чисто. В ванной комнате на полочке – флаконы с духами, одеколонами. А в шкафчике целую полку занимают куски мыла. Прямо коллекция! И полотенца чистейшие, пушистые. Сережа...

Меня много раз спрашивали, куда он исчез. А еще следователь интересовался тем, в каких мы были с Сережей отношениях. Как будто и так непонятно. Тем более что мой телефон проверили, а там миллион наших с ним звонков. Ну и что? Я действительно часто звонила ему, а он – мне. Мой муж никогда бы не стал проверять мой телефон, поскольку я никогда не проверяла его два телефона. Мы с ним как-то молча об этом договорились еще сто лет тому назад.

Номер телефона, как выяснила полиция, принадлежал Сергею Гаранину. Все правильно. Сергей Гаранин – мой любовник, и что с того? И почему я должна знать, где он находится? Да я бы даже заплатила, чтобы это узнать. Исчез он.

Да, на даче полно отпечатков его пальцев. Да, на даче нашли труп моего мужа. Причем как раз в тот день, когда у меня там была назначена встреча с Сережей. Но, во-первых, о нашем свидании никто не знал. Во-вторых, мало ли кто и где оставляет свои пальчики? Как же на даче не быть отпечаткам пальцев Сережи, когда мы часто бывали там, он же не мог находиться постоянно в перчатках!

Следователь Русаков рассказал мне, да я и сама увидела (ведь это же я нашла Геру на полу на даче!), что сейф, который был так наивно спрятан мужем за картиной в спальне, открыт и, главное, пуст. Но откуда мне знать, сколько там было денег? Друг Геры, Володя, сказал, что Гера собирался в тот день покупать какой-то пруд, чтобы разводить карпов. Причем не только пруд, но и небольшой участок леса рядом с ним. Володя дал показания, из которых следует, что все это природное богатство стоило всего лишь два миллиона рублей, что для моего мужа нормальная сумма. Я вполне могу поверить, что эти деньги он хранил в сейфе, но Сережа к их исчезновению просто не может иметь отношения. И тот факт, что его не могут найти, еще не свидетельствует о том, что он виновен. То, что у нас на даче есть сейф, Сережа не знал. Во всяком случае, я ему об этом никогда не говорила. А кто еще мог ему об этом сказать? Ну не Гера же! Это полный бред. Вот и получается, что Сережа мог находиться на даче в ожидании меня, а в это время туда приехал Гера. Предполагаю, что Сережа, заслышав шум мотора и выглянув в окно, понял, что это не я, предположил, что это мой муж, а потому единственное, что он мог сделать, это спрятаться где-нибудь в доме. Может, за портьеру, они там у нас тяжелые, плотные. Или даже в шкаф. Или под кровать. В этой ситуации любое укромное место могло его спасти. Вероятно, он спрятался, Гера стал открывать сейф, чтобы забрать деньги, и вдруг появился кто-то еще – третий. Вор. Человек, который знал, что Гера поехал за деньгами. Не исключая даже, что это был Володя Тимонин, друг Геры. А что, мир сошел с ума, все вокруг врут и предают друг друга. Сережа это увидел, испугался, что его обвинят в краже, и потом просто убежал. А уж когда с Герой случился сердечный приступ, сейчас трудно сказать. Скорее всего, тогда, когда на него напали, хотя судмедэксперт в своем заключении написал, что никаких признаков того, что на него напали, не было. Ни ссадин, ни ушибов, ни следов ударов. Да преступник мог просто направить на Геру пистолет или показать нож, и сердце Геры не выдержало. А что, вполне такое допускаю. Словом, на него никто не нападал, просто он увидел, к примеру, как его лучший друг забирает деньги из сейфа, и умер от разрыва сердца!

Понятное дело, что к следователю со своими подозрениями я не пойду. Володя всегда представлялся мне положительным человеком и верным другом. Они дружили с Герой много лет, и никогда тот не был замечен в непорядочности. Да и деньги у него есть, поэтому

рисковать своей честью, репутацией и свободой он вряд ли стал бы. Значит, кто-то другой. Но, повторяю, это не Сережа.

Господи, помоги ему, не дай пропасть.

А ты, Гера, не осуждай меня, если наблюдаешь за мной сверху. У тебя была своя жизнь, и я тебе не мешала, а у меня своя. Ты можешь мне не поверить, но я любила тебя. Правда.

Как же называется та песня, которая так нравилась Сереже... Вернее, имя певицы? Все никак не могу вспомнить. Она, судя по голосу, молодая, но голос этот с приятной хрипотцой, очень сексуальный и одновременно веселый. Такое короткое имя... Я вспомню, я обязательно вспомню.

6. Лиза

Опустившаяся женщина – страшное зрелище. Ее глаза – как два мутных омута, где на самом дне она утопила свою жизнь. И что самое ужасное, этот процесс необратим. Уже никогда ее кожа не станет упругой, щеки не порозовеют, а глаза не заиграют веселым блеском любви к жизни. И волосы, превратившиеся в седую свалывшуюся паклю, не станут шелковистыми, здоровыми. А ведь она не старая, эта Люба Загуменнова. Ей от силы сороковник.

Она сидела на крыльце и курила. Худенькая, сдвинув аккуратно ноги, обутые в старые калоши. Колени прикрыты темной юбкой. На плечах – потрепанная и изъеденная молью пуховая шаль. Мое воображение за несколько секунд проделало ни с чем не сравнимую работу: время волшебным образом прокрутилось назад, превратив пьянчужку-соседку Любку в молоденькую, со свежим личиком и сочными губами библиотечаршу Любовь Загуменнову...

– Что, пришли на меня посмотреть, на старую калошу Любку?

Все вернулось в реальность, и я трянула головой, чтобы сбросить с себя наваждение. Такие игры собственного воображения порой пугали меня.

Полуденное солнце позолотило крыльцо Любкиного дома, разросшийся куст шиповника с красными и розовыми восковыми ягодами, серый покосившийся забор, треснутое стекло в окне дома. Выбившаяся из-под непонятной беретки седая прядь волос и то показалась золотой.

– Я расследую убийство ваших соседей – Надежды и Валентины, – сказала я, приближаясь к Любе и усаживаясь на маленькую деревянную скамейку возле самых ног хозяйки.

Изящная белая кошка с разноцветными глазами тотчас уселась рядом со мной и тихо, мягко заурчала, радуясь августовскому теплему вечеру. Один глаз у нее был карий, другой – ярко-голубой.

– Да, я уже знаю, что их убили, – сказала безжизненным голосом Люба. – В голове не укладывается. Я только не поняла, как их убили?

– Надю удушили, а Валентине разбили голову. Это произошло сегодня ночью. Скажите, вы ничего не слышали? Ваши дома с Надей стоят совсем близко...

– Слышала, – спокойно и с достоинством ответила Люба. – Они ругались. Это было примерно в час ночи. Я и проснулась от их крика.

– Кто кричал-то?

– Надька кричала, и Валька кричала. Они обе кричали.

– В смысле... От боли?

– Нет, они ругались между собой. Обзывали друг друга. Когда мне сказали, что их убили, я сразу стала вспоминать, какими словами они обменивались, что кричали, но так получается, что, кроме матерных слов, я ничего и не услышала... Нет, они говорили между собой, но слов различить я не могла. Окна у Нади выходят на улицу, да и прохладно стало, значит, окна ее были закрыты, вот я и не услышала.

– А раньше они ругались?

– Ни-ког-да! – отчеканила Люба. – В том-то и дело, что никогда не ругались. Они были соседками, каждый день ходили друг к дружке. Помогали во всем. Им хорошо было вместе. Обе – одинокие, разочаровавшиеся в мужчинах бабы. Я все про них знаю. Вот как ушел от Нади Борис, она недолго была одна, все пыталась наладить свою жизнь, то одного к себе пустит на ночь, то другого... А утром они как пробки из бутылки вылетали из дома. Дураки они все, Люба, говорила она мне. Мы с ней часто вот так переговаривались, через забор. Дураки, говорила, потому что мозги все пропили. Им бы выпить да пожрать, и больше

ничего. Я хорошо ее понимала. Да и у Валентины после смерти Егора тоже личная жизнь не ладилась. Она пошла по стопам подруги, все пыталась найти любовь. Но только где ее найти, если любви нет? Не водится она в наших краях. Редкая это дичь.

Люба подняла глаза на меня и вздохнула.

– Они кричали, а потом как-то тихо стало. Вроде как выдохлись кумушки. Ну, думаю, помирились. И вдруг внутри дома раздался грохот. Была ночь. А ночью все звуки кажутся страшнее, сильнее... Мне показалось даже, словно стена дома обвалилась. Но я понимала, что это просто от испуга, страха. Тогда я выпила еще и прислушалась. Было снова тихо. А потом я уснула. И сон мой был тревожным, нехорошим. Когда я проснулась и встала, чтобы выпить воды, я увидела в окне женщину. Правда, она была далеко от меня, она шла за забором, как и все люди, которые как бы проплывают мимо моих окон. Женщина была странная, в странной шляпке. Знаете, была ночь, и я не смогла рассмотреть ее лицо. Да и из чего сделана шляпка, тоже не поняла. Но, скорее всего, из соломы. Соломенная такая шляпка с цветами сбоку.

Я слушала ее, не веря своим ушам. А еще мне было страшно. Вот Глаша считает, что я такая смелая, ничего не боюсь. Глупости все это. Конечно, мне надо держать марку, я должна вести себя так, чтобы соответствовать тому образу Лизы Травиной, который придумали для себя люди. Женщина-вамп, адвокат без проигранных дел, с развитой интуицией и все такое. На самом деле я обыкновенная, просто когда я чего-то очень хочу, то у меня это получается. Я как танк.

Но в тот момент, когда алкоголичка Люба с проспиртованными мозгами начала рассказывать страшилку про ночную женщину в соломенной шляпке, мне стало как-то не по себе.

– ...Она толкала перед собой детскую коляску, из которой торчали женские ноги... – произнесла Любка, и от страха волосы зашевелились у меня на голове.

– Что, что вы сказали, Люба? Какая еще коляска? Какие женские ноги? Вы что, бредите?

– Детская коляска. Я даже могу вам ее показать, если нальете, – сказала она и посмотрела на меня так жалко, как оставленный хозяином голодный пес.

– Как это «показать»? Люба, я занимаюсь серьезным делом, а вы, оказывается, просто хотите, чтобы я дала вам выпить? Разводите меня, как ребенка?

– Я только потом поняла, чьи это женские ноги, – не моргнув глазом, продолжила Любка. – Это были трупы. Их же надо было как-то вывезти из дома. Их убили в доме Нади, теперь я это точно знаю. И чтобы их не могли найти, то есть я хочу сказать, что убийца специально отвез тела подальше от деревни, и, главное, от дома Нади, чтобы их подальше не могли найти и чтобы ему, соответственно, оставалось больше времени для того, чтобы скрыться, сбежать. И это была женщина в шляпке...

– Люб...

– Она убила их, видать, сильная баба... А потом по очереди грузила в детскую старую коляску, в которой Надя возила картошку со своего огорода в погреб, и транспортировала в лес или где там их нашли, моих соседок-то... – Любка икнула.

– Вы сказали, что могли бы показать мне эту коляску.

– Пошли.

Любка встала, потуже затянула на узких плечах шерстяную шаль и подошла к трухлявому забору, который отгораживал ее двор от ухоженного двора соседки Надежды Карасевой.

– Вон коляска, видите, под старой яблоней стоит! Я же говорила! Думаю, когда Надька была маленькая, ее на ней возили. Старая, антикварная почти. Главное в ней – колеса!

Я осторожно перелезла через доски и спрыгнула на территорию Надежды. Чисто выметенный двор, длинная скамья, выкрашенная в светло-коричневый цвет, стоит вдоль кирпичной стены дома. Окна пластиковые, беленькие, аккуратные.

Сюда с минуты на минуту должна была прибыть группа экспертов, чтобы обследовать дом.

– Вы не следователь, да? – раздалось возле моего уха, и я от неожиданности едва не упала. Любка стояла совсем рядом со мной и разглядывала коляску. – Видите, углубления в земле. Это коляска раньше там стояла, а потом ее использовали и поставили чуть правее. Но это не Надька, это убийца, баба страшная в шляпке.

– Что вы на меня жуть нагоняете?

– Вы вообще кто? – спросила она меня, глядя в упор своими потемневшими глазами.

– Я адвокат Елизавета Сергеевна Травина. Меня наняли, чтобы я помогала искать убийцу ваших соседок. Частным, так сказать, порядком.

– А чего же вы тогда стоите тут? Сейчас налетят, как саранча, эти... полицейские... Ключ вон там, в резиновом сапоге, видите, под крыльцом? Но что-то подсказывает мне, что дверь не заперта... Идите, я постою на шухере. Думаете, мне не хочется, чтобы эту сволочь нашли? За что было Надьку душить? Она хорошая баба была, добрая. Жалела меня, денег иногда давала или поесть чего.

Но войти в дом я не успела. Услышав шум подъезжающей машины, я, вместо того чтобы покинуть этот двор, наоборот, прошла в глубь сада и оказалась как раз напротив окон небольшого строения, называемого в деревнях временками. Летом этот садовый домик использовали обычно как кухни, где варили варенье, делали заготовки, хранили овощи и фрукты. В спину мне дышала Любка.

– Заходите, чего медлите-то? Не думаю, что вам поздоровится, если они вас здесь увидят. А так переждете какое-то время, и я помогу вам выбраться отсюда.

Я толкнула выкрашенную белой краской дверь и оказалась в яблочном раю. Повсюду – на полу, на столе, на кровати, были разложены яблоки. Красные, розовые, зеленые. Крепкий яблочный дух был послаще любых дорогих духов.

– Какие яблоки! – вырвалось у меня. – Люба, как же все-таки хорошо жить в деревне. Мы-то в городе яблоки только в магазине да на рынке покупаем. Нет, конечно, и у нас есть дача, но мы бываем там, во-первых, редко, во-вторых, я как-то не пробовала заготавливать яблоки, все некогда. Хотя сама очень люблю и варенье яблочное, и компот...

– Вот дура-то! – прошептала, как крикнула, Любка, оглядываясь.

– В смысле? – собралась уже было обидеться я. – Почему я дура-то?

– Да не вы! Это я про Надьку! Она ведь все яблоки по ящикам разложила... Видите, вон, в темном углу в штабеля уложены!

Я обернулась и увидела деревянные ящики с соломой. Подошла поближе, приподняла один, второй...

– А там, внизу, – ящики с яблоками, – сказала я, удивляясь не меньше Любки.

Знаете, когда сталкиваешься с чем-то странным, противоестественным, вот тогда и начинается самое интересное. Действительно, зачем было Наде вываливать уже уложенные яблоки из ящиков и рассыпать их повсюду? Какой в этом смысл?

– И зачем же?

– Говорю же – дура, – покрутила Любка пальцем у своего виска. – Понятия не имею.

И только она это проговорила, как мы услышали мужской голос, зовущий Любку по фамилии.

– Ну вот, и по мою душу пришли, слышите? Думаю, вам лучше оставаться пока здесь, а я потихоньку, знаю место, пролезу обратно в свой сад, а там – домой, встречу гостей. Сейчас вопросы будут разные задавать. Но если хотите, я вам потом все расскажу.

– Хорошо, Люба, идите, – растерялась я. Перспектива провести несколько часов, пока будут осматривать дом Надежды, здесь, в этой яблочной времянке, меня как-то не прельщала. Разве что яблок наемся.

Она исчезла, и я с тоской посмотрела ей вслед. Подумала, чем бы я могла ей помочь. Может, определить ее в специальную клинику, чтобы ее вылечили от алкоголизма? Потом врачи занялись бы ее здоровьем, вдохнули в ее тщедушное тело жизнь. Такое возможно? Вот только согласится ли она на это? Ведь, чтобы покончить со своей теперешней жизнью, необходимо в первую очередь ее желание.

Я уселась на старый венский стул, осмотрелась. Газовая плита прикрыта газетой, и на ней – большущая корзина с яблоками. Следовательно, времянка вряд ли использовалась как кухня. Да и кастрюли, стоящие на полках, мало похожи на те, которыми часто пользуются. Огромные, скорее всего, хозяйка вспоминала про них, когда варила рассол для огурцов и помидоров или сироп для компотов. Да и сковородок не видно. Зато на маленьком столике почти новая микроволновка. Подошла, открыла ее и очень удивилась, когда увидела в ней тарелку с жареной куриной ножкой. Понюхала. Не испорченная. Очень даже аппетитно пахнет.

Я начала внимательнейшим образом осматривать времянку. Прямоугольное помещение, довольно узкое, но длинное. Вдоль стены, выкрашенной в белый цвет, стоит двуспальная деревянная кровать, прикрытая клетчатым шерстяным одеялом, тоже засыпанная яблоками. Я не поленилась, отодвинула яблоки, отогнула край одеяла и снова удивилась, когда увидела под ним чистейшую белую постель. Наволочка была украшена вышивкой и кружевами! Заглянула под кровать и обнаружила там картонный ящик, набитый кусками хорошего мыла, шампунями, кремами для бритья, лосьонами. Мужчина. Здесь ночевал мужчина. Еще глубже под кроватью, почти у самой стены, я нашла использованный презерватив. Что все это могло означать? Что Надя принимала у себя мужчину, что же еще? Жаль, что Люба ушла, может, рассказала бы и о мужчине. Хотя, с другой стороны, если бы она видела мужчину, то непременно бы рассказала. Вот точно рассказала бы!

Еще одна находка: картонный ящик с яблоками. Яблок немного, и на дне можно разглядеть какую-то бумагу, похожую на квитанцию. Я достала, изучила ее. Так и есть: квитанция, чек из интернет-магазина «Маркет-Z», список продуктов внушительный. Семь килограммов куриного мяса, красная икра, соленая семга, пиво, шоколадные конфеты, чай, кофе, крупы, оливковое масло, упаковка дорогого мыла, крем для ног с запахом пиона, мужской одеколон! Заказ стоимостью почти в тридцать тысяч рублей!

По всей времянке рассыпаны улики, признаки проживания здесь мужчины. Именно проживания. Он не навещался сюда время от времени, он жил! И никто, во всяком случае до сих пор, ни словом об этом не обмолвился. Значит ли это, что Надежда тщательно скрывала своего любовника? Причем так тщательно, что о его существовании не знала даже Любка! А у той времени – вагон, она постоянно сидит в своей кухне, пьет горькую и смотрит в окно.

Я решила позвонить Кузнецову.

– Пожалуйста, выясните все движения средств Карасевой в банке: поступления, расходы и даты. Причем сделать это надо потихому. Вы же понимаете, что я веду альтернативное расследование. Само собой, что я привлеку к своей работе собственных экспертов и

помощников, но пока что меня интересуют деньги Карасевой. И еще. Поговорите со своей женой, спросите, пользуются ли жители Идолги интернет-магазинами, попросите ваших людей выяснить, какая транспортная фирма обслуживает интернет-магазин «Маркет-Z», это очень важно. Подключите к работе Варфоломеева, думаю, у него тоже найдутся надежные люди, которые смогут оказать мне информативную помощь. Не откажусь также от помощи местной полиции, но таким образом, чтобы о моих планах никто, кроме задействованных в следствии лиц, ничего не знал.

Я рассказала Кузнецову, где нахожусь в данное время.

– Судя по всему, у Карасевой был любовник, причем тайный. Поговорите с женой, но только аккуратно, может, она что расскажет.

Кузнецов обещал содействие и уверил, что сделает все как надо.

– Елизавета Сергеевна, у нас на ужин сегодня пельмени. Комнаты мы вам уже приготовили. Вечером будет и банька. Соленая и копченая рыбка, пиво, вы не возражаете?

– Нет, не возражаю. Спасибо, Владимир Александрович.

Я ссыпала яблоки с кровати в ящик, устроилась на мягких подушках и закрыла глаза. Хорошо бы, подумалось мне тогда, чтобы никто не заинтересовался этой временкой. И яблоками.

7. Сергей Гаранин

Не думаю, чтобы она была проститутка. Так, обыкновенная женщина. Одинокая, скучающая. Живет либо с мамой-пенсионеркой, либо сама мать-одиночка, одежду покупает себе в Крытом рынке, в рядах, духи и косметику – на первом этаже универмага, где торгуют фальшивкой. Волосы на ногах бреет нерегулярно, маникюр делает себе сама дешевыми кусачками, о существовании апельсиновых палочек для маникюра понятия не имеет. На завтрак ест докторскую колбасу или вареное яйцо, обедает на работе в перерыве бананом или яблоком, а ужинает тушеной капустой с сосисками. Волосы красит «Лондаколором» в пепельный цвет, считая это высшим шиком. Встречу с мужчиной и последующие с ним сексуальные действия воспринимает как очередную попытку устроить свою жизнь, найти себе мужа, а на самом деле ведет себя как последняя шлюха. На свидании не курит, пьет вино маленькими глотками, а когда возвращается домой под утро, то, сбросив с себя одежду и белье, пропахшее мужчиной, курит, запивая сигарету кофе, барабанит ногтем по столу, смотрит в окно и проклиная свою неудавшуюся жизнь и, конечно, нас, мужиков.

Эту звали Эля. Полноватая, с большой грудью. Зато добрая, уступчивая, услужливая, с ней было легко и приятно.

Она не знала, что я эту квартиру снял за несколько часов до того, как привести ее туда. Крутилась на кухне, все спрашивала, где нож, где сковородка, пока я не объяснил ей, что пищу готовлю себе всегда сам. Конечно, это не так, и постоянные мои, проверенные женщины имели доступ к моей кухне, но только не Эля. Я посадил ее на диван, дал ей в руки потрепанный хозяйский журнал «Лиза», а сам отправился на кухню жарить себе курицу. Я жарю курицу всегда только на сливочном масле. У меня свой рецепт, он прост, как и все гениальное. Надо подождать, чтобы куриные куски хорошо прожарились, и тогда уже переворачивать, чтобы получилась красноватая карамельная корочка. Свежий хлеб, вишневый сок – вот и весь ужин.

Я угостил Элю пивом, рассказал душещипательную историю о сбежавшей жене, о своем одиночестве, после чего позволил ей любить себя.

Утром, после пробуждения, у меня было единственное желание как можно скорее спроводить ее домой. Я почти выпихнул ее из кровати, сказал, что ко мне должна приехать мама, что она почти каждое утро приезжает ко мне, чтобы сварить овсяную кашу и какао, и Эля, дурочка, повелась, быстро оделась и, даже не смыв со своего помятого, в пятнах размазанной косметики лица следы ночных забав, покинула наконец меня. Я пообещал ей позвонить, но, как только за ней захлопнулась дверь, тотчас выбросил клочок с записанным на нем номером ее телефона в мусорное ведро.

Все, вот и еще одна ночь прошла. Эля и понятия не имела, что я пригласил ее исключительно для того, чтобы не оставаться одному. Страхи преследовали меня, и мне был нужен кто-то, кто заполнил бы собой все пространство вокруг меня, чтобы вытеснил из моей памяти эти кошмарные воспоминания, этих двух женщин, которых я оставил остывать на холодной траве под Идолгой.

Моя жизнь мне самому напоминает толстую книгу с цветными иллюстрациями. Когда я начинаю вспоминать, страницы книги тихо шелестят, заставляя оживать картины моего прошлого. Конечно, в первую очередь вспоминаются женщины. Я люблю женщин. И пусть после некоторых остается дурное послевкусие, все равно, женщины – довольно милые существа, которые украшают нашу мужскую жизнь. Женщины, как конфеты, бывают сладкими дешевыми карамельками или дорогими трюфелями, ароматными, как фруктовое желе, или горькими, как настоящий темный шоколад. А еще бывают воздушными, розовыми, как

зефир или твердыми и скучными, как ириски. Но все равно, женщины – это сладость моей жизни.

Еще совсем недавно жизнь моя была удобна, размеренна и комфортна. У меня была хорошая, приятная и неплохо оплачиваемая работа в парфюмерном магазине «Тубероза». Я приходил туда ровно без десяти минут девять, подготавливал витрину, обновляя ее по своему вкусу, после чего варил кофе и поджидал первых посетителей. Я знал, что на многих женщин действую как наркотик. Я знаю о духах все и могу уговорить практически любую женщину купить коробку духов. Знаю, что сказать каждой в отдельности, что сделать – побрызгать на нее духами или рассказать романтическую историю создания тех или иных духов. Я умею находить такие слова, что женщина, услышав их, начинает чувствовать острую необходимость приобрести дорогую пудру или крем, лосьон или шампунь, мыло или тальк, не говоря уже о духах. Я становлюсь облаком аромата, когда мне надо околдовать женщину, я почти танцую вокруг нее, разве что не поднимаюсь к потолку, чтобы только утопить ее в сладком или горьком аромате ее будущих духов.

Почти в каждой женщине, которая заходит в мой магазин (на самом деле это, конечно, не мой магазин, я там лишь работаю продавцом, точнее, менеджером), я пытаюсь увидеть любовницу, и спустя буквально несколько минут мне уже становится ясно, интересна мне эта дама или девушка или нет. Есть совершенные создания, женщины необыкновенной красоты, которые, однако, не возбуждают меня, и я заранее знаю, как мне с ними будет трудно. А есть женщины, может, и не красавицы, но приятной наружности, в которых есть нечто такое, чему я не могу найти объяснения или названия... Они притягивают меня к себе, и я начинаю любить их всей душой и телом. И с ними мне легко, комфортно.

Такой была для меня Людмила. Людмила Нечаева. Она много раз покупала у меня духи, причем самые разные, которые и не особо-то подходили ей, ее стилю, цвету кожи, ее естеству, но стоили дорого, очень дорого. Только позже я понял, что она приходила в магазин ко мне, чтобы увидеть меня, услышать мои сказки про духи. Ничего не зная обо мне, но предполагая, что своими покупками она как-то улучшит мое финансовое положение, она брала самые невероятные духи, нисколько не ломаясь и не воображая, а скорее, восхищаясь. И это она первая заметила на витрине добытые мною духи «1842 Rosa Alba», чудесную изумрудного цвета коробочку, с изумрудным же нарядным флакончиком, украшенным подушечкой с булавами в винтажном стиле.

– Основные ноты, моя дорогая Людочка, – пел я ей в уши после того, как мы уже познакомились, – это роза, чай дарджелинг, розовый грейпфрут, роза Альба, лилия... глициния опять же, амбра и кашмирский мускус!

– Кашмирский мускус, как дивно звучит! – повторяла она, не сводя с меня глаз.

Очень милая женщина, ухоженная блондинка с зелеными глазами и изящной фигуркой, она была на три года старше меня, имела мужа, большую квартиру неподалеку от моей «Туберозы» и вишневого цвета авто (в марках машин я не разбираюсь до сих пор).

Поскольку она была замужем, я всегда привозил ее в свою квартиру, которой никогда не стыдился. Я знал, что она понравится женщинам. Что они оценят мягкие ковры, итальянское постельное белье, хороший кофе и пирожные. Я давно заметил, что женщины с опаской относятся к тем мужчинам, которые потчуют их копченым мясом и водкой, соленой рыбой и пивом, которые приводят их на квартиры своих друзей и укладывают на несвежие простыни хозяев. И с каким доверием они относятся к мужчинам, которые ублажают их изысканными деликатесами, дарят ароматные вещицы, милые, пусть и недорогие серебряные штучки, угощают их земляничкой и бисквитами. Думаю, что женщины тогда чувствуют, что их любят. Пусть не навсегда, но любят просто за то, что они женщины.

Людмила была очаровательна, скромна, любила меня и всегда порывалась сделать для меня нечто такое, что впечатлило бы меня. Понятное дело, что все это стоило денег, и потому

я с самого начала предупредил ее, что никогда не приму от нее никаких подарков. Что это противоестественно, что это я, мужчина, должен одаривать ее, доставлять ей удовольствие.

Ее муж часто бывал в командировках, и мы многие вечера проводили в моей квартире. Что мне еще нравилось в ней, так это то, что она никогда не строила в отношении меня никаких планов. Она не хотела быть моей женой, не хотела стирать мне белье или готовить по утрам завтраки, она хотела, чтобы я всегда оставался для нее именно любовником, от слова «любить», а не «жить вместе».

Мне было с ней хорошо, спокойно и уютно. И кто бы мог подумать, что именно эта связь, даже не связь, а роман, приведет к таким печальным последствиям!!!

Сейчас, оглядываясь назад, я спрашиваю себя, как могло случиться, что я поддался искушению? Выходит, что я и не знал себя до определенного момента. Получается, что все люди ничего не знают о себе, представления не имеют, на что способны, оказавшись в той или иной провокационной ситуации. Или же это касается только меня?

Наступила весна, и наши встречи стали происходить на даче Нечаевых.

Прекрасный дом на берегу Волги. Вокруг тишина и покой, дубовая рощица. Все дачи расположены далековато друг от друга из-за больших размеров участков.

– Гера не появляется здесь, говорит, что ему тут скучно, – сказала Людмила, когда впервые привезла меня к себе на дачу в «Утесово».

– Ты уверена? – спросил я, не горя желанием быть застигнутым ее мужем. – А зачем же тогда вам дача?

– Здесь сад, цветы, малина... Свежий воздух опять же. Понимаю, ты, верно, хочешь меня спросить, кто же тут работает? Отвечу – моя соседка, тетя Даша. Она замечательная. Мы платим ей, и она содержит все в порядке и чистоте. Урожай делим, так что никаких проблем.

– Это значит, что она может появиться здесь в любую минуту?

– Нет-нет, я позвонила ей и сказала, что приеду отдохнуть. Она женщина нелюбопытная, все понимающая, так что можешь быть спокоен.

Но спокойным я мог быть лишь у себя дома. Однако ближе к лету мы и вовсе стали встречаться только на даче. Я еще осмелел и потому, что муж Людмилы зачастил в командировки, он отсутствовал неделями. Людмила время от времени звонила ему, или же они общались посредством Интернета. Скайп – великая вещь: Люда разговаривала с мужем, сидя на даче в спальне (я в это время, чтобы ее не смущать, курил, к примеру, на кухне или веранде), и он знал, где она находится; сам же Герман Нечаев, симпатичный, с умным лицом человек, разговаривал с женой в декорациях гостиниц, конференц-залов (в перерыве между заседаниями), летних кафе Петербурга, Риги и Праги. Поэтому-то я и был уверен в том, что он точно далеко и я могу не переживать на этот счет.

В тот раз все было как обычно. Правда, Нечаев никуда не уезжал, он был в городе, но до такой степени загружен работой, что появлялся дома, со слов Люды, только ближе к ночи. Я, как мы и договаривались с Людмилой, отправился с утра в Утесово, а она должна была приехать после салона красоты.

На даче я первым делом разгрузил сумки, разложил продукты в холодильнике и буфете, после чего заварил себе чай, выпил и прилег отдохнуть в спальне. Окно было распахнуто, в комнату струился свежий воздух, напоенный ароматом роз. Понятное дело, я уснул. Я вообще очень люблю спать. Считаю это одним из подаренных самой жизнью удовольствий.

Проснулся от звука подъезжающей машины. Я подошел к окну и сквозь кружевную занавеску увидел большой черный джип. В марках машин, как уже говорил, я не очень-то разбираюсь, но джип от остальных машин отличить могу.

У меня тоже была машина, подержанный «Фольксваген», но ему требовался ремонт, поэтому на дачу я приехал на электричке. Думаю, это даже хорошо, иначе Нечаев (а это, к моему ужасу, был он!) сразу увидел бы чужую машину рядом со своей дачей, и вряд ли ему это понравилось бы. А так он вышел из машины, громко хлопнув дверцей, уверенно отворил калитку (я в это время молниеносно избавлялся от следов своего присутствия, собрал с пола свитер, джинсы, носки, сумки и, главное, успел тихо защелкнуть английский замок входной двери, как если бы дача была заперта), взбежал по-молодецки на крыльцо, достал ключи и открыл дверь. И так же уверенно, посвистывая, прошел в спальню, где, к счастью, не заметил меня, застывшего за плотными тяжелыми портьерами (откуда я мог знать, что он напрямик направится в спальню? что ему там делать?!). Кончив свистеть, он принялся напевать что-то, снимая со стены над кроватью мою любимую картину с маками и ромашками, написанную маслом. За картиной я увидел сейф.

Герман задумался, вероятно, освежая в своей памяти набор цифр, затем аккуратными движениями привел в действие механизм секретного замка, после чего легко открыл сейф. Мне в щелочку было видно, что в сейфе полно денег. Сложенные ровно пачки радовали глаз. Думаю, что и на Германа вид денег произвел благоприятное впечатление. По его лицу видно было, что он удовлетворен. Ему бы сразу взять эти денежки да уехать. Но он вышел из машины налегке, то есть с пустыми руками. Оставил в авто приготовленную заранее сумку. А потому, вспомнив об этом, отправился за этой самой сумкой. Вышел из спальни, из дома. Вот тут-то все мои жизненные принципы, основанные на хорошем воспитании, разом исчезли, уступив место яркому, как июльское солнце, и ослепительному желанию воспользоваться моментом и забрать эти деньги. Словно кто-то внутри меня сказал мне: «Сережа, вон он, твой шанс, эти деньги – твои!»

На кресле лежала шерстяная вязаная кофта Людмилы, я схватил ее, расстелил на полу и принялся укладывать туда деньги. Завернул все в кофту, спрятал на пол, на то место, где недавно стоял за портьерами, и сам встал рядом, поскольку выбежать с деньгами из спальни уже не представлялось возможным. Да и вообще, сейчас, оглядываясь назад, я и сам не могу понять, зачем я это сделал. Ведь понимал, что Нечаев, обнаружив пустой сейф, первое, что сделает, это начнет метаться по дому в поисках вора. Мне бы прихватить несколько пачек, и все, и тогда бы ничего не случилось, ни-че-го! Или надо было выбраться из спальни через распахнутое окно. Но я побоялся, что не смогу так быстро и ловко все это проделать, боялся зацепиться ногой о высокий подоконник и растянуться на глазах хозяина дачи, рассыпав украденные деньги... Поступок наиглупейший, словно продиктованный мне самим дьяволом, сидящим во мне и только и поджидавшим подобного случая. Я никогда прежде ни у кого ничего не воровал, считая это отвратительным, недостойным порядочного человека, каким я себя до этого дня считал. Но то, с какой легкостью я забрал все эти деньги, убедило меня в обратном. Получилось, что внутри меня сидел вор. Он дремал до поры до времени. Вероятно, мне потребовалось всего лишь одно мгновение, чтобы увидеть свое будущее с этими деньгами: залитое солнцем ровное шоссе, по которому я мчусь навстречу теплому ветру истинного счастья. Хотя, возможно, подсознательно мне хотелось причинить боль моему сопернику, мужу моей любовницы, к которой я относился с большой нежностью и жизнь которой представлялась мне полной обид и унижений, исходящих от неверного и остывшего к ней мужчины.

Я сделал это и стоял за плотными шторами, обливаясь потом страха, придавленный содеянным, онемевший, парализованный, понимая, что в любую минуту меня могут обнаружить и наказать.

Дверь распахнулась, Герман вошел в спальню, правда, больше не насвистывал и не напевал. Вероятно, в ту минуту он был вообще далеко от дачи, его мысль унеслась туда, куда ему следовало отвезти эти деньги. У него были свои планы.

Он остановился перед пустым сейфом и окаменел. Я видел лишь его спину. Напряженную, как мне показалось, спину. Потом он ахнул, застонал и тяжело, с жутким грохотом упал на пол.

Я стоял и смотрел на распростертое в нескольких шагах от меня тело, еще не подозревая, что Герман уже мертв. Не знаю, сколько прошло времени, прежде чем я решился выйти из своего укрытия. Я подошел и посмотрел ему в лицо. Глаза его были полуприкрыты и застыли, остекленели. Я опустился рядом с ним и взял его за руку, чтобы прощупать пульс. Мне не верилось, что он умер. Вот так, быстро. Вероятно, у него было слабое сердце, но я об этом не знал. Да даже если бы и знал, что с того, разве я поступил бы иначе? Мне вообще тогда показалось, что я – это не я, что я по-прежнему стою за шторами, а это кто-то другой, живший во мне, сейчас держит руку покойника. Так не должно было случиться. Ничего такого, тем более криминального, уж точно не должно было быть в моей жизни.

Мне бы тогда выложить деньги из кофты и вернуть в сейф, но я не смог этого сделать. Подумал, что никто, кроме Людмилы, не знал, что я здесь, а уж с ней-то я сумею договориться. Скажу, что находился в спальне, за шторами в тот момент, когда Герман открывал сейф. И что ему внезапно стало плохо и он умер на моих глазах. И тогда я, решив, что не стоит оставлять деньги на виду, чтобы их не прикарманили доблестные работники полиции и прокуратуры, а то и вовсе посторонние люди, которые могли случайно оказаться на даче, уложил пачки в принесенную Нечаевым сумку и осторожно, постоянно оглядываясь, покинул дом.

До электрички шел не по дороге, где меня могли заметить, а через посадки смородины. Мне повезло, платформа была почти пустая, если не считать нескольких дачников с ведрами с урожаем, да и электричка пришла сразу же.

Я сел и поехал в город.

8. Валентина

Сначала он появился возле моего дома, увидел меня, улыбнулся. Приезжий. У нас в Идолге таких нет. Блондин, натуральный, красивый, и глаза такого цвета, словно в них отразилась июньская зелень. Кожа белая, видно, что городской, не загорелый.

Он позвал меня, я бросила шелушить луковицы гладиолусов, встала со ступенек крыльца, отряхнула фартук и подошла к забору.

- Вам кого? – спросила я, разглядывая мужчину.
- Мне бы комнату снять, – сказал он тихо, глядя мне прямо в глаза.
- Вы – кто? Рыбак?
- Да... да... я рыбак.
- А где же ваши удочки?

В Идолгу иногда приезжали городские – порыбачить, отдохнуть. Но обычно это были друзья или родственники местных жителей. Этот же был как бы ничей. Я тотчас представила себе, как он живет в моем доме, как я готовлю ему завтрак, как топлю баню, как взбиваю ему подушки перед сном... Я разволновалась. Представленное показалось мне совсем реальным, с далеко идущими последствиями. Пусть на неделю, пусть на три дня... Подумала и тотчас застыдилась своих мыслей и желаний.

– Куплю в вашем магазине. Ведь в таких деревенских магазинах можно что угодно купить. От хлеба до резиновых калош.

- Ну да, конечно...
- Так сдадите комнату? Ваш дом находится как раз на окраине, река близко...
- Да вы зайдите, поговорим.

Я поставила чайник, накрыла стол в саду. У меня с завтрака оставались блины, угостила с медом.

– У вас здесь просто рай... – сказал он, показывая взглядом на сад. – Птицы поют. Никакого тебе городского шума, ни суеты. Вы одна живете?

- А вам зачем это знать?
- Вы так легко впустили меня к себе, ничего обо мне не зная. Не бойтесь меня?
- Так... Немного побаиваюсь. А что, вас нужно бояться?
- Вас как зовут?
- Валя. Валентина.
- Очень красивое имя. Оно имеет свой аромат, знаете?

– Нет, не знаю... – Наши голоса сливались с гомоном птиц. Я не могла не смотреть в его зеленые глаза.

– Цитрусовый аромат, мандарин и лимон... – От его слов вокруг запахло мандаринами и лимонами.

- А вас как зовут?
- Сергей.
- Что вы здесь делаете, в Идолге, Сергей? Кого-то ищете?

– На самом деле я пришел к вам не случайно. Соседи мне сказали, что вы дом продаете. – Я сразу почувствовала, что он играет со мной. Смотрит в глаза и словно прощупывает меня, пытается что-то понять.

- Но я не продаю дом. И никто во всей Идолге вам такого сказать не мог.
- А может, продадите? Я вам хорошую цену дам.
- А вы свой дом, в который вложили всю душу, продали бы?

– Не знаю... Я уже ничего не знаю. Если честно, то никакой я не рыбак и не собираюсь покупать дом... Я и сам не понял, как оказался здесь. Просто ушел из дома, от жены... Еще вчера. Ночевал на вокзале, меня чуть в полицию не забрали. Потом сел на электричку и поехал... Сошел на вашей станции, забрел на вашу улицу, увидел вот вас... И теперь не знаю, что мне делать.

– Рано или поздно все равно ведь вернетесь домой. – Так я поняла, что он женат.

– Но лучше поздно, чем рано. Мне бы прийти в себя немного. Пустите к себе, на полный пансион на недельку, у меня деньги есть, я вам заплачу. Буду спать, дышать воздухом, пить молоко и снова спать.

– А работа?

– Я позвонил утром, сказал, что приболел. На работе все нормально будет, у меня там друзья... К тому же они хорошо знают мою жену, поймут... А я потом все отработаю.

Я смотрела на него и пыталась представить его участником семейной ссоры. Пыталась, да только у меня ничего не вышло. Я вообще не видела его рядом с женщиной. Тем более с женой. Было в нем что-то такое, что выдавало в нем одиночку, холостяка.

Мне бы тогда согласиться да и поселить его сразу у себя. И откуда только взялись дурные мысли насчет моей племянницы? Как представила себе, что она увидит его у меня да и положит на него глаз, так тут же дурно стало – этого еще не хватало! У меня с Ирккой и так отношения сложные, запарила она меня своими проблемами: то мужик ее бросил, то денег нет, то депрессия...

И черт меня тогда дернул вспомнить про времянку Надьки! К ней же, к соседке моей, мужик ходит, муж бывший, Борис, вот я и подумала, что она как бы не одна, зачем ей связываться с городским? То есть первая мысль была, чтобы она не увела у меня этого зеленоглазого, сейчас даже стыдно вспоминать... А вот подумать, что Борису может не понравиться, что в его времянке живет зеленоглазый красивый «рыбак», не судьба была. А ведь Надька от Бориса зависит, вернее, от денег его. Да и любит она его до сих пор. И это после того, как он бросил ее, променял на Соньку... А-а-а, старая история, даже вспоминать не хочется.

А теперь вот они, Надька с ее бывшим, вроде как любовники. Он к ней время от времени навещается, звонит предварительно, а она ждет его, прическу сделает, ногти накрашит, пельмени сварганит и сидит у окошка, ждет. Так жалко Надьку! Убила бы этого Бориса!

Но главное ведь, чтобы ей было хорошо. А ей хорошо, что у нее есть Борис, пусть хоть таким макарон. Какая-никакая, а все-таки личная жизнь. Плюс подарки, денежки, продукты. Другое дело, что его все равно у нее нет, он же женат, в соседней деревне с новой женой живет, там детишки маленькие. А это значит, что Соньку он уже не бросит, да и свиданиями своими с Надькой всех возможных женихов отпугнет. Но это их дела.

Мне бы вообще не впускать Сергея к себе, поговорили бы через забор да и забыли друг о друге. Спрашивается, и кто просил меня угощать его чаем с блинами?

Истосковалась я по мужской ласке, чего уж там. Устала быть неприступной, надоело заботиться об общественном мнении. Да, конечно, я ходила по Идолге с гордо поднятой головой, зная, что никто не сможет чесать языки о моей личной жизни. Да, меня в деревне уважают, многие даже завидуют, но только мне какой от этого толк? Никто же не подозревает, как мне тяжело одной, как вою от тоски по ночам. А сколько слез я пролила, одна подушка знает. Ирка, бывало, приедет, жалуется на свою жизнь, а я ей даже немного завидую. У нее всегда кто-нибудь да есть. Она живет полной жизнью, постоянно знает, для кого губы красит да новые лифчики покупает. Бабий век короткий.

А этот, зеленоглазый, так смотрел на меня, ну просто раздевал. Я сразу поняла, что нравлюсь ему. Мне бы тогда проглотить свои слова про Надькину времянку, да поздно уже было: отворилась калитка и появилась она. Нарядная, свежая, как роза, – в город собралась. Увидела Сережу и улыбнулась, прямо расцвела. Нет, я Надьку, конечно, люблю. Мы с ней

подруги. Когда ей плохо, я всегда стараюсь ей помочь, утешить. А она переживает за меня, тоже во всем помогает. Мы всегда хорошо ладим. Ладили. Ходим друг к дружке в гости, выпьем винца, а то и водочки, телевизор вместе посмотрим, поплачем, если сериал душевный, позавидуем удачной женской судьбе. Я вообще считаю, что найти хорошего мужа – это самое главное в женской жизни. Вот у меня Егор был золотой мужик. С ним я была любима и чувствовала себя защищенной. Мы были с ним как одно целое. Все делали вместе и спали в обнимку. Не могу вспомнить о нем, чтобы не заплакать. Время прошло, а воспоминания такие свежие, словно он погиб вчера. Как я жалею, что не родила ему сына или дочку. Но, видно, не судьба была...

Вот и получалось, что мы с Надькой обе несчастные одинокие бабы.

– Познакомьтесь, Сергей, это Надя. Моя соседка и подружка в одном флаконе.

– Здравсте! – Надя протянула ему руку, как протягивают дамы в фильмах, вроде как для поцелуя, мой гость пожал ей ладошку, сказал, что ему очень приятно. Назвал свое имя, хотя я его уже представила. Но это неважно.

Я сказала Наде о времянке, мол, непустишь ли городского «не рыбака» – подышать свежим деревенским воздухом, отдохнуть, набраться сил для городской жизни.

– У вас что, бензин кончился? – хохотнула моя Надя.

Это она имела в виду, что у него силы кончились, что пора подзаправиться. Мы все тогда рассмеялись.

– Мне только прибраться там надо, во времянке-то, и живите сколько хотите.

Я сразу поняла, что она сказала это на эмоциях, не подумав о том, как отреагирует на постояльца ее Борис. А он уж точно отреагирует. Он же что собака на сене: и сам к Надьке не возвращается, и ее никому не собирается отдавать. Словно она его собственность.

Я хотела поймать ее взгляд, чтобы, сделав страшные глаза, напомнить ей о существовании Бориса, мол, ты чего, подруга, не боишься селить у себя мужчину? А она, как нарочно, зыркала глазами туда-сюда, избегая моего зловещего взгляда, может, хотела меня разозлить, вот, мол, Валечка, как все чудненько решилось. Хотя, конечно, ничего такого, думаю, в ее голове не было. Просто ей тоже понравился Сергей, и она на время отключила свои мозги вместе с памятью, которая в любой момент была готова услужливо напомнить ей о существовании собственника Бориса.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.